

Гу Фучжоу действительно думал об этом. Это просто невысказано.

Нет, за свои девятнадцать лет жизни он конечно думал о таких вещах и ранее. Любой мальчик в здравом уме и теле более или менее задумывается об этом в подростковом возрасте, и он не был исключением. В возрасте тринадцати или четырнадцати лет отец прочитал ему серьезную лекцию по физиологии и попросил соблюдать строгую самодисциплину и всегда проявлять уважение к другим в этом отношении.

Он вспомнил, что чувствовал после дочки в первый раз: «И это все?» Его рука так болела, что вот-вот отвалится. И это все?

Конечно, бесспорно, это было приятно. Но соотношение цены и качества было не таким уж высоким. Хотя он был ленив, он все равно был очень требователен к личной гигиене и чистоте. Даже если бы он просто дробил, то должен был принять душ до и после. Весь процесс у него занимал больше часа. Разве не лучше было просто поспать в это время?

Позже, лет в семнадцать, он обнаружил, что его одноклассники, особенно мальчишки, казалось, особенно интересовались всем этим. Его братья часто делились с ним вещами совсем не детского рейтинга. В это время они всегда краснели от возбуждения и волнения, а ему в такие моменты было просто жаль исполнителя главной мужской роли.

После столь долгой безостановочной «работы» и такого сильного потоотделения, разве у него не будет болеть поясница? Это так утомительно. Он чувствовал усталость, уже просто наблюдая за всем этим.

Когда он поделился с братьями своими чувствами, те были очень шокированы, назвав его холодным. Он был не согласен с таким определением: он не холодный, он просто слишком ленивый, чтобы совершать лишние телодвижения. Если бы его будущая жена была готова приложить немного больше усилий, он бы с радостью пошел на это.

[Примечание: ☺Что это за философия истинного шоу? Он точно гун?]

Как итог он был слишком ленив, поэтому и жил жизнью, свободной от подобных мирских желаний и плотских утех. Даже если у него и был кто-то, кто ему нравился, он намеренно не позволял своим мыслям отвлекаться на подобные вещи. Если вам кто-то нравится, должны ли вы автоматически испытывать к нему влечение? Вы обязательно должны желать переспать с ним? Разве это не нормально - просто испытывать счастье от совместного пребывания рядом?

Только когда Линь Цинюй внезапно спросил его об этом, он вдруг понял, что действительно хочет переспать с ним. Даже если бы он устал до полусмерти, он... решил, что оно того стоит.

Использование слова «переспать» было вежливым вариантом, но вместо него он хотел сказать что-то более вульгарное. Он хотел испачкать Цинюя, оставить на его теле всевозможные следы, позволить Цинюю пропитаться его запахом. Ему даже хотелось шептать на ухо грязные

словечки, которые будут еще больше заводить обоих. Если бы Линь Цинюй не использовал слово «испачкать/переспать», он бы не понял, что у него вообще имеется подобный фетиш.

Поняв свои намерения, Гу Фучжоу внезапно обнаружил, что он такой грязный и жалкий... Ох, откуда у него проявилась такая сторона? Если он начинает вожделеть тело Линь Цинюя, тогда в чем разница между ним и императором, Сяо Чэном и им подобным?

Удивляя всех, лежа на смертном одре*, он вдруг понял: «Я что, на самом деле «Вор Цао»**?»

[Примечание: Эти две фразы обычно используются вместе.

*Удивляя всех, лежа на смертном одре - это строка из стихотворения, которое позже стало популярным среди китайских пользователей сети. Это просто означает, что я очень шокирован.

**Вор Цао - это синоним похищения чужих жен. «Вор Цао» здесь относится к Цао Цао. В его жизни было 15 жен и наложниц, большинство из них были чужими женами. Согласно легенде, Цао Цао любил забирать себе жен и наложниц врагов после победы над ними.]

Нет, нет. Линь Цинюй изначально уже был его супругом. Что плохого в том, что он хочет своего супруга? Вот те, кто желает его супруга, и являются «Ворами Цао».

Эта холодная красота была предназначена для восхищения, а не для развращения.

Но он очень хотел развратить его.

Теперь со своими недавно обнаруженными мирскими желаниями, Гу Фучжоу не мог не задаться вопросом: раз Линь Цинюй тоже был мужчиной, может быть, у него тоже были подобные мирские желания?

Естественно, Линь Цинюй не знал, что творилось в этой странной голове. Он только чувствовал, что глаза, внимательно смотрящие на него, стали более глубокого темного оттенка и уже не были такими же чистыми, как в прошлом, как будто теперь их хозяин стал более зрелым.

Двое вернулись в постель. Гу Фучжоу уже давно понял положение и тактику своего противника. Открыв глаза, заложив руки за голову, он произнес: «Цинюй, тебе почти двадцать лет».

«Угу».

«Это время, когда ты полон энергии, когда кровь кипит. Почему я никогда тебя не видел

за... ну, ты понимаешь, что я имею в виду?» – Гу Фучжоу считал, что он уже довольно ясно изъяснился. С высоким интеллектом Линь Цинюя было невозможно не понять, о чем он сейчас говорил.

Но Линь Цинюй ответил: «Я не понимаю».

«Да ладно, ты должен понимать, о чем я, – поддразнил его Гу Фучжоу. – Или тебя это тоже совсем не интересует?»

«У меня, конечно же, нет никакого интереса. Но почему ты употребил слово „тоже“?»

Все внимание Гу Фучжоу было приковано к первой половине заявления Линь Цинюя: «Этого не может быть... Ты не ленивый. Почему тебя это не интересует?»

Линь Цинюй немного подумал и уточнил: «Наверное, потому, что я многое видел и со многим соприкоснулся».

Он уже сбился со счета, сколько мужских тел он видел своей жизни, да и женских тоже. Он не был специалистом в гинекологии, но, несмотря на это, увлекался ею. Когда он путешествовал со своим наставником, он принимал роды у беременных женщин.

Насколько он мог вспомнить, у него, казалось, никогда не было какой-то особой реакции на прикосновение к чьему-то телу. Кажется, только тело Гу Фучжоу заставило его почувствовать это ощущение «испорченной руки», когда он тогда случайно коснулся той части тела, заставившей его взволноваться.

Гу Фучжоу поперхнулся, заметив: «Изучать медицину действительно страшно».

Гу Фучжоу не спал допоздна, и встать на следующий день для него было равносильно катастрофе. Линь Цинюй вытащил Гу Фучжоу из кровати, попросил Хуа Лу принести завтрак и наблюдал, как тот неохотно ест свою кашу.

«Цинюй, когда я смогу отдохнуть?»

Официальные лица Даюй, за исключением Нового года, могли отдыхать только пятнадцатого числа каждого месяца. Линь Цинюй помог ему посчитать и сказал: «Через десять дней».

Красивое лицо Гу Фучжоу исказилось в страданиях: «Десять дней? Спаси-спаси меня...»

После того как Гу Фучжоу оделся, Линь Цинюй уже собирался проводить его на службу, когда увидел, как Юань Инь бежит к ним, чтобы доложить: «Генерал, госпожа, есть новости из дворца. У императора невыносимо болит голова, а у наследного принца рецидив

болезни. Сегодня утреннего суда не будет».

Гу Фучжоу был ошеломлен внезапным приятным сюрпризом. За исключением ночи их второго брака, Линь Цинюй никогда не видел его таким взволнованным. Юань Инь еще заканчивал говорить, а того и след простыл. В мгновение ока он снова оказался в постели, накрывшись с головой одеялом.

Линь Цинюй мягко улыбнулся и приказал слугам не приближаться к спальне, чтобы позволить генералу спать сегодня сколько душе угодно.

Вскоре после известия о приостановке утреннего суда прибыл еще один гонец из дворца. С каждым днем болезнь императора становилась все хуже, и Императорская лечебница оказалась в этом вопросе беспомощна. Император, наконец, не выдержал и снова вызвал Линь Цинюя во дворец.

Линь Цинюй проверил пульс императора и подправил выписанный ранее им рецепт. После употребления нового лекарства в течение нескольких дней, боли императора уже были не такими интенсивными. Само собой разумеется, что Линь Цинюй должен быть вознагражден, но сердце императора все еще было полно гнева, когда он вспоминал о том, что этот нежный и покорный прекрасный юноша, стоящий сейчас перед ним, уже замужем. И у него, Сына Неба, все еще есть кто-то, кем он не может обладать. Было неизбежно, что в его сердце поселились нежелание и обида, разрастаясь буйным цветом.

Если бы Линь Цинюй был всего лишь супругой рядового придворного, то это не имело бы никакого значения, он бы просто взял его силой. Но он был супругой Гу Фучжоу. Несколько дней спустя Гу Фучжоу представил ему отчет: от развертывания пешего войска и всадников до доставки продовольствия и фуража. Генерал очень тщательно проанализировал боевую ситуацию на Северо-Западе. Как бы император не хотел слушать его, прочитав доклад, он все же отправил распоряжения в войска на Северо-Запад.

Император отказался восстановить Линь Цинюя официально в прежней должности, и тот не стал специально упоминать об этом. Он просто сказал, что не уверен в эффективности некоторых ингредиентов, и ему нужно пойти в Императорскую медицинскую канцелярию, чтобы свериться с написанным там в книгах. Император милостиво восстановил право Линь Цинюя на доступ в Императорскую медицинскую канцелярию. Кроме того, Линь Цинюй каждые три дня ходил во дворец, чтобы проверить пульс императора. За исключением отсутствия официальной должности или зарплаты, это ничем не отличалось от прошлой его службы.

Линь Цинюй никогда не заботился об официальной должности или зарплате. Замужество за Гу Фучжоу было просто выходом из опасной ситуации*. Если он хотел безопасной и обеспеченной жизни с Гу Фучжоу, им еще многое предстояло сделать.

[Примечание: 眉上 / ránméi zhī jí. Горят брови. Обр. в знач.: весьма острое опасное положение; крайне спешное, настоятельное дело; непосредственная опасность; оказаться в положении

«SOS»; не терпеть ни малейшего отлагательства; экстренный, неотложный.]

Гу Фучжоу долго ждал и, наконец, наступил его единственный выходной день в месяц. Так случилось, что у Линь Цинюя в тот день был запланирован визит во дворец. Когда Линь Цинюй встал, он постарался, чтобы его движения были незаметны. Затем немного поразмыслив над этим, он решил, что в этом не было особой необходимости. В конце концов, Гу Фучжоу был не из тех, кого можно разбудить небольшим шумом. Неожиданно, как только его ноги коснулись пола, он услышал низкий хриплый голос с верхней койки: «Цинюй...»

Линь Цинюй спросил удивленно: «Почему ты проснулся?»

Гу Фучжоу закрыл глаза и слабо пробормотал: «Сегодня ты идешь во дворец. Я провожу тебя».

Линь Цинюй был ошеломлен этим ответом, и тепло, которое не должно было появиться зимой, вдруг окутало его сердце. Однако вслух он лишь заметил: «Ты слишком сонный. Как ты сможешь проводить меня?»

Сонный Гу Фучжоу сел, протер глаза и сказал на автомате: «Как бы мне не хотелось спать, я должен проводить свою жену на работу...»

Линь Цинюй возразил с улыбкой: «Не нужно. Тебе следует вернуться ко сну».

Гу Фучжоу все-таки заставил себя встать с кровати: «Нет, ты провожаешь меня каждый день. Если я не провожу тебя, я буду полным отбросом».

Гу Фучжоу был так решительно настроен, что Линь Цинюй решил с ним более не спорить. Первоначально он думал, что Гу Фучжоу сделает то же самое, что и он, просто проводив его до ворот генеральской резиденции. Чего он никак не ожидал, так это того, что Гу Фучжоу сядет с ним в экипаж и проводит его прямо до ворот дворца. Хотя в экипаже Гу Фучжоу дремал, прислонившись к его плечу, и по дороге они не обменялись ни словом, но его пробуждение ранним утром очень растрогало Цинюя. Это действительно было драгоценно.

Во дворце евнух повел Линь Цинюя в зал Циньчжэн. Когда он получил от императора разрешение войти, навстречу ему попался мастер Се, предводитель отряда Тяньци, собиравшийся уже покинуть покои императора. Они прошли мимо друг друга, и Линь Цинюй уловил легкий аромат, исходящий от него.

Линь Цинюй очень быстро узнал, что это был за аромат. Император показал ему нечто – кристально чистый снежный лотос. Уже только по цвету лепестков, можно было судить, что это растение необыкновенно само по себе.

Император предложил ему: «Посмотри, это может быть полезно при лечении моей головной боли».

Линь Цинюй вдохнул аромат снежного лотоса и поинтересовался, уточняя: «Осмелюсь спросить Ваше Величество, его привезли из Северных регионов?»

При упоминании про Северные регионы, император, казалось, был немного встревожен: «Говорят, что его собрали на крайнем севере Северных регионов».

Линь Цинюй улыбнулся лишь уголками губ и заметил: «Это действительно редкий и бесценный ингредиент. Этот смиренный должен записать новый рецепт для вашего величества. Используя этот снежный лотос с севера в качестве ингредиента для нового лекарства, этот смиренный определенно сможет получить вдвое лучше результаты, приложив вдвое меньше усилий».

Прежде, чем вернуться в резиденцию генерала, Линь Цинюй после встречи с императором долгое время еще провел в библиотеке Императорской медицинской канцелярии, оставаясь там до сумерек. Как только он вышел из экипажа, то увидел остановившийся перед резиденцией генерала роскошный экипаж. Для любого обычного чиновника такая помпезность была бы превышением всяких границ приличия. Было очевидно, кто к ним сегодня пожаловал.

Экипаж прибыл на мгновение раньше, чем Линь Цинюй успел вернуться в резиденцию. Как только владелец экипажа вышел, он повстречался лицом к лицу с Линь Цинюем, воскликнув: «Это тот прекрасный императорский лекарь!»

Линь Цинюй сухо поправил: «Я больше не императорский лекарь, ваше высочество».

«Тогда я буду звать вас лекарь Линь», – пришедшим человеком был Сяо Цзе, четвертый принц. С ним был его управляющий, вечно следующий за ним тенью – по фамилии «Си» и с именем «Жун».

Линь Цинюй не интересовали красивые идиоты. У него вызывали интерес только умные люди. По сравнению с Сяо Цзе, он и сейчас уделил гораздо больше внимания Си Жуну: «Мы польщены присутствием его высочества, но генерал разве ожидал вас?»

«Нет... Я имею в виду, что он не должен был. Просто в прошлый раз генерал обещал показать мне свое копые Цинъюнь Цзючжоу и своего ахалтекинского скакуна. Сегодня я случайно проходил мимо резиденции генерала и внезапно подумал об этом, поэтому я просто...»

Сяо Цзе неловко улыбнулся, а Си Жун поклонился Линь Цинюю и вежливо продолжил: «Его высочество, по прихоти, пришел без приглашения и побеспокоил генерала и его супругу. Если это неудобно для генерала, в следующий раз мы заранее отправим письмо».

Линь Цинюй спокойно ответил: «Сегодня день отдыха генерала. Никаких неудобств нет. Пожалуйста, входите, ваше высочество».

Как только они вошли в резиденцию, Сяо Цзе с любопытством огляделся, спрашивая: «Почему я не вижу генерала Гу?»

Линь Циньюй предположил: «В этот час он должно быть играет».

Совершенно сбитый с толку Сяо Цзе поднял голову, спросив Си Жуну: «Генерал тоже играет?»

Си Жун терпеливо пояснил ему: «„Игра“ генерала Гу может отличаться от „игры“ вашего высочества».

Сяо Цзе ответил, улыбаясь: «А, я понял. Например, мои „игры“ – есть и пить, а „игры“ генерала – скакать на лошадях и стрелять из лука?»

Си Жун улыбнулся в ответ, согласно кивнув: «Ваше высочество как всегда мудры».

Линь Циньюй попросил их: «Ваше высочество, могу я попросить вас немного подождать в главном зале? Я пойду и приглашу к вам генерала. Хуань Тун, будь добр, подай чай его высочеству».

Сяо Цзе сделал глоток чая резиденции генерала, и его глаза тут же ярко загорелись, он начал нахваливать напиток: «Как восхитительно. Этот чай кажется даже вкуснее, чем чай во дворце! А-Жун, почему бы тебе тоже не попробовать его?»

Си Жун покачал головой, напомним: «Ваше высочество, вы не должны забывать об этикете, когда находитесь снаружи».

Сяо Цзе ответил слегка разочарованным тоном: «Хорошо».

Си Жун решил сменить тему, спросив: «Вы не находите это странным, ваше высочество? С точки зрения этикета, было бы лучше, если бы жена генерала осталась и развлекала гостей. Тогда почему госпожа лично пошла позвать генерала? Госпожа не похожа на человека, который не понимает этикета».

Сяо Цзе немного подумал, но так и не смог придумать причину, спросив в ответ: «И почему же?»

Си Жун слегка улыбнулся, ответив: «Госпожа, вероятно, хочет что-то сказать генералу наедине».

Линь Циньюй нашел Гу Фучжоу в спальне. У Гу Фучжоу на глазах была повязана полоска черной ткани. Перед ним висела привязанная красной ниткой за горлышко фарфоровая бутылка, которую Линь Циньюй обычно использовал для хранения лекарств. Другой конец

веревки был привязан к балке на потолке.

Услышав шаги Линь Цинюя, Гу Фучжоу приподнял черную ткань, открывая улыбающиеся глаза, радостно воскликнув: «Цинюй, Цинюй, я покажу тебе интересное шоу», – после чего Гу Фучжоу снова натянул черную ткань на глаза. Он сильно толкнул фарфоровую бутылку, и та начала раскачиваться взад и вперед. Гу Фучжоу тоже раскачивался влево и вправо, каждый раз прекрасно избегая столкновения с ней.

Уголки губ Гу Фучжоу приподнялись в улыбке: «Ну, как? Я тренировался так целый час».

Линь Цинюй шагнул вперед и схватил качающуюся фарфоровую бутылку, остановив забаву, и коротко сказал: «Сяо Цзе и его евнух здесь».

Гу Фучжоу приподнял в удивлении брови: «Вот прямо сейчас?»

«Они уже в резиденции».

Гу Фучжоу почувствовал знакомый легкий аромат, и уголки его губ поднялись еще выше. Он протянул руку, делая вид, что собирается забрать фарфоровую бутылку, а вместо этого обнял Линь Цинюя за талию, добившись на самом деле того, чего и хотел.

Линь Цинюй позволил ему обнять себя. Он протянул руку и сорвал черную ткань с его глаз, продолжив: «Кроме того, Сяо Чэн действительно отправил отряд Тяньцзи в Северные регионы. Император, должно быть, очень недоволен этим».

Гу Фучжоу смотрел на красавчика, источающего легкий лекарственный аромат, удерживая его в своих руках. Хотя голова генерала была занята сейчас совсем другим*, он все же смог сосредоточиться на сказанном ранее Линь Цинюем, спросив уточняя: «Лекарь Линь имеет в виду... начать сегодня? Не слишком ли рано?»

[Примечание: 心猿 / xīn yuán yì mǎ. Душа [мечется] как обезьяна, мысли [скачут] как кони; обр. метаться; быть раздираемым сомнениями, противоречиями, мятежность души; голова занята совсем другим; мятежная душа.]

Линь Цинюй оттолкнул Гу Фучжоу, ответив: «Не нужно говорить слишком много. Сейчас мы можем просто прощупать его».

Они вдвоем вернулись в главный зал, чтобы, наконец, вместе встретить гостей. Перед Сяо Цзе и Си Жуном Гу Фучжоу вел себя сдержанно и серьезно, оставаясь степенным и молчаливым. Даже Си Жун не мог себе представить, что не так давно генерал Гу, будучи в своей комнате, тренировался, как ему избежать удара по голове раскачивающейся фарфоровой бутылкой.

После обмена приветствиями Гу Фучжоу приказал кому-то из слуг принести копьё Цинъюнь Цзючжоу. Это копьё было настолько тяжелым, что большинство людей не могли его даже просто удерживать. Потребовалось по меньшей мере двое взрослых мужчин, чтобы поднять его и доставить на обозрение гостей.

Сяо Цзе несколько раз обошел вокруг копья Цинъюнь Цзючжоу, издавая звуки восхищения. Повернувшись, он взволнованно обратился к Си Жуну: «А-Жун, ты чувствуешь убийственную ауру северо-западной пустыни?»

Си Жун спокойно отметил: «Копьё питается кровью. Копьё генерала Гу обладает духовными качествами».

Сяо Цзе попытался поднять копьё Цинъюнь Цзючжоу, но как бы он ни старался, ему удалось лишь слегка приподнять его, да и то, лишь обеими руками. Он тяжело вздохнул, сказав: «Это копьё достаточно тяжелое, чтобы убить человека, но генерал Гу может удерживать его одной рукой. Он уничтожил бесчисленное количество врагов, и действительно достоин быть величайшим воином Даюй».

Несмотря на восхваления принца, Гу Фучжоу оставался все таким же немногословным*, скромно ответив: «Ваше высочество удостаивает этого генерала незаслуженной похвалы».

[Примечание: 惜字如金 / xīzì rújīn. Беречь слова, как золото обр. неразговорчивый, молчаливый, немногословный; цедить сквозь зубы]

Дав вдоволь насмотреться гостям на копьё, Гу Фучжоу отвел их в конюшню. Прекрасный конь в это время пил воду, опустив голову. Почувствовав присутствие незнакомцев, жеребец настороженно поднял шею и беспокойно замахал хвостом.

Этот скакун был черным, словно сами чернила, с длинными стройными ногами и густой гривой. Он был совершенно не похож на обычных лошадей, которых можно было увидеть снаружи. Только из-за длительного периода бездействия боевой конь стал крупнее, чем когда впервые прибыл в столицу.

Пораженный его красотой, Сяо Цзе с придыханием спросил: «Как его зовут?»

Линь Цинъюй бросил на Гу Фучжоу игривый взгляд и ответил: «Сяо Бай*».

[Примечание: Маленький Белый]

Смущенный таким ответом, Сяо Цзе заметил вслух: «Но он же черный».

Гу Фучжоу серьезно ответил: «Действительно. Ваше высочество, не хотели бы вы прокатиться на нем верхом?»

Растерянный и обрадованный одновременно Сяо Цзе, быстро переспросил: «Я? А можно?»

Но Си Жун не одобрил этого порыва: «Этот превосходный скакун норовист и очень предан своему хозяину, а ваше высочество не владеет в совершенстве верховой ездой. Я надеюсь, что ваше высочество все-таки передумает».

Гу Фучжоу возразил, успокаивая: «Пока я здесь, с его высочеством ничего не случится».

Сяо Цзе погладил чернильную спину Сяо Бая, и его сердце подпрыгнуло от предвкушения, он попытался успокоить своего спутника: «Я просто покатаюсь на нем, в этом нет ничего страшного, верно? А-Жун?»

Си Жун беспомощно вздохнул, сложил ладони вместе в знак приветствия, проговорив: «Тогда, могу я попросить генерала остаться рядом с его высочеством и присмотреть за ним?»

Гу Фучжоу взял Сяо Цзе проехаться на благородном скакуне, в то время как Линь Цинюй и Си Жун остались в стороне, наблюдая за ними. Было нетрудно заметить, что отношения между Сяо Цзе и Си Жуном ни в коем случае не были обычными отношениями между хозяином и слугой. Очевидно, что Сяо Цзе сильно полагался на Си Жуна, что согласовалось с тем, что сказал Гу Фучжоу ранее. Но за весь вечер Линь Цинюй ни разу не увидел ни одной из параноидальных сторон Си Жуна. Можно было только предположить, что он также был человеком, который умел хорошо скрывать свое истинное лицо.

Линь Цинюй небрежно заметил: «Его высочество наивный и непосредственный. Когда наследный принц взойдет на трон, для него было бы неплохо стать праздным королем, уехав куда-нибудь подальше в пожалованный ему удел».

Глаза Си Жуна слегка потускнели при этом замечании, но он тут же очень быстро изобразил улыбку, прекрасней, чем у любой женщины, ответив Линь Цинюю ровным голосом: «Слова госпожи совершенно верны».

Автору есть что сказать:

Соленая рыба: Дело не в том, что я не могу, я действительно просто ленив, поверь мне = w